

УДК37.014.5(470.6) + 37.014.5(470.47)
ББКЧ404.1(235.7) + Ч404.1(2Рос. Калм)

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД
СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ 1920-х – 1930-х гг.
(на материалах национальных районов Юга России)**

К. Ф. Лиджеева

Становление и развитие советской системы образования народов юга России — проблема для отечественной историографии не новая, и отдельные аспекты рассматриваемой темы находили отражение в различных изданиях по истории советского государства — в коллективных трудах, монографиях, статьях. В первое десятилетие XXI века, в связи с продолжающимся поиском современной образовательной модели, исследователи вновь обращаются к истории образования (работы А. Б. Панькина [Панькин 2001], Л. Х-У. Гудиевой [Гудиева 2005], Х. Б. Мамсирова [Мамсиров 2006], Е. В. Сартиковой [Сартикова 2008], К. Ф. Лиджеевой [Лиджеева 2012]).

Ретроспективный анализ образовательной сферы в период советской индустриальной модернизации определен необходимостью выявления положительного опыта для решения ее проблем на современном этапе. Во второй половине 1920-х гг. попытки реализации образовательного проекта, несмотря на усилия руководителей Народного Комиссариата Просвещения (далее — НКП), не принесли ожидаемых результатов. В 1928 году на пленуме ЦК ВКП (б) отмечалось «несоответствие между потребностями в квалифицированных специалистах для технически перестраивающейся промышленности... и состоянием дела подготовки кадров специалистов» [КПСС в резолюциях 1970: 356–357]. Экономические потребности государства требовали подчинить сферу образования задачам массовой подготовки кадров. В национальных автономиях юга России содержание образования также изменялось, переход на прежние методы обучения способствовал возвращению региональной школе ее прямой функции обеспечения учеников знаниями.

В этот период административные элементы все более проникали в сферу образования. Единообразие, ставшее ее характер-

ной особенностью, негативно отразилось и на национальной школе. Недостаток национальных кадров, отсутствие полноценных учебных программ привели в регионе к их сокращению. Комиссариат по делам национальностей РСФСР, заслушав доклад Северокавказского НКП, констатировал «неудовлетворенность темпов работы по коренизации начальной школы в национальных областях» [КПСС в резолюциях 1970: 354, 356].

Но сформировавшиеся по инициативе государства принципы образовательной политики позволяли решать задачи обеспечения общеобразовательной подготовки школьников и их воспитания в южно-российских автономиях, что отвечало требованиям экономического и социального развития страны. На Северном Кавказе и в Калмыкии городские, районные и сельские советы ввели регистрацию всех детей школьного возраста, в их обязанность входило также определение для каждой школы радиуса обслуживания и обеспечение учебного процесса школьными зданиями.

В соответствии с особенностями социально-экономического развития изменялись задачи, стоящие перед сферой школьного образования, что, в свою очередь, привело к необходимости корректировки ее структуры. Но принципиальных изменений за годы советской власти не произошло, а практика продемонстрировала целесообразность прежних видов школьного обучения. По постановлению «О структуре начальной и средней школы в СССР», принятому 15 мая 1934 г., устанавливались три типа общеобразовательной школы: начальная (4 класса), неполная средняя (7 классов) и средняя (10 классов), что соответствовало реалиям социально-экономического и политического развития страны. Школьное обучение унифицировалось, что в конечном итоге привело к созданию единого типа школы.

В рассматриваемый период целями развития сферы образования в южнороссийских национальных районах стали не только ликвидация неграмотности населения и осуществление всеобщего, но и введение всеобщего обязательного политехнического обучения в объеме семилетней школы. В это время в школах южнороссийских национальных районов применялись разнообразные методы, активизирующие деятельность учащихся и способствующие их профессиональной ориентации. Их практическое внедрение в регионе проходило с затруднениями. Тем не менее, в школах национальных районов юга страны продолжала осуществляться определенная система трудового воспитания и политехнического обучения. Ее важнейшими компонентами были осуществление политехнического принципа в преподавании основ наук, производственные экскурсии, внеклассная работа по технике и агробиологии, общественно-полезный производительный труд школьников, и они оставались в практике советской школы до конца 1930 годов. Естественно, что все они подчинялись учебным и воспитательным целям школы — продолжения учебы ее выпускников в вузах и техникумах и подготовке кадров-специалистов для работы в народном хозяйстве, так как это требовалось для решения масштабных государственных задач.

На состоявшемся в 1931 году XV Всероссийском съезде Советов выступил народный комиссар просвещения страны А. С. Бубнов. В соответствии с его докладом было принято постановление, в котором констатировалось, что «...политехническая школа должна явиться в руках советской власти одним из средств... ликвидации противоречий между городом и деревней, и устранения разрыва между физическим и умственным трудом» [Бубнов 1931].

В южнороссийских национальных районах органы образования проводили проверку результатов прикрепления школ к предприятиям и выполнения заключенных с ними договоров, местные исполнительные комитеты устанавливали их обязанности перед школой, руководители несли ответственность за политехнизацию школы. Специалисты обязаны были оказывать учителям помощь в области технических знаний в соответствии с их технической и агрономической подготовкой, а также проводить техническую пропаганду среди учащихся.

Кроме того, в этот период все новостройки обеспечивались школами.

Несмотря на трудности, здесь был накоплен некоторый положительный опыт по политехническому обучению. Так, преподаватели физики, химии, биологии знакомили учащихся с жизнью и деятельностью выдающихся русских и советских ученых, особое внимание уделялось показу достижений науки и техники своего времени, и эта работа в значительной мере способствовала расширению политехнического кругозора школьников.

В соответствии с учебными программами по предметам естественно-математического цикла в школах республик юга страны имелось немало возможностей для осуществления отдельных элементов трудового обучения, особенно в области сельскохозяйственного труда. В школах Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Адыгеи, Калмыкии и других автономий на основании учебных программ устраивались экскурсии на местные промышленные предприятия, в колхозы и совхозы, что давало детям понимание общественных целей государства, приобщало их к «социалистическому строительству в стране». С целью развития общественно-трудовой активности учащихся в регионе создавались летние школы, в которых весь учебно-воспитательный процесс основывался на труде учащихся, в них особое внимание уделялось сельскохозяйственным опытам и экспериментам, результаты которых использовались как образовательный материал. Эти школы сыграли определенную роль в социализации учащихся. В партийных документах подчеркивалась «...важность трудового обучения и изучения техники в теории и на практике для коммунистического воспитания детей и юношества, школа была и остается политехнической. Это имеет большое воспитательное значение и весьма важно для обороны и хозяйственной жизни страны» [Политехническое обучение 1953: 22].

Работа по ликвидации неграмотности, введение всеобщего и политехнизма в южнороссийском регионе осуществлялись в сложных социально-экономических и демографических условиях. Здесь, в целях повышения качества обучения, шел поиск стабильной и доступной системы образования, психологически адекватно воспринимаемой многонациональным населением. Резуль-

таты ежегодных испытаний учащихся начальных классов подтверждали эффективность проведенной работы. В большинстве русских школ обучающиеся показывали прочные знания по основным предметам. В национальных школах грамотность улучшалась медленнее, что объяснялось отсутствием для них единой программы, качественных учебников на родном языке, недостаточной квалификацией педагогических кадров, малым количеством учреждений образования в горных районах края, слабой материальной и учебной базой этих школ.

Составной частью образовательного процесса в это время стала воспитательная работа. Ее целью являлось воспитание коллективиста, свободного от национальной ограниченности и религиозных предрассудков. В эти же годы получила обоснование и система внешкольной работы.

Таким образом, специфика сферы образования в национальных республиках Юга страны исследуемого периода состояла в интенсивном повышении культурного уровня населения. Эта специфика определяется подлинной всеобщностью начального обучения детей, ликвидацией неграмотности и малограмотности взрослых, контролем со стороны органов образования за посещением детьми школы, созданием необходимых условий для детей из малоимущих семей и т. п. Повышение качества обучения происходило благодаря возврату к традиционной системе, научной организации педагогического процесса, совершенствованию форм и методов учебной работы, усвоению языка межнационального общения, разработке методики начального обучения, повышению квалификации преподавателей, централизации системы управления сферой образования. Национальная школа для народов южнороссийского региона обеспечивала знание родного языка и овладение национальной культурой. Но все мероприятия в образовательной сфере были направлены на ее унификацию, заключавшуюся в формировании единой социально-политической общности и решения прагматических задач хозяйственного развития.

Результативность модернизационных изменений в этой сфере проявилась только в 1930-х гг., когда уровень грамотности населения в среднем на юге России достиг 70 %, так, показатели по Чечено-Ингушетии уже выглядели достаточно высокими, и к концу 1930-х гг. в этой автономной ре-

спублике среди чеченцев грамотных было уже 85 %, а среди ингушей — 92% [Юсупов 1969: 119–120.] Одним из масштабных и позитивных проектов государства являлась ликвидация неграмотности, но официальная позиция не всегда совпадала с той, которой придерживались многие представители местных народов, что отчетливо прослеживалось по динамике сокращения религиозных школ, лишенных государственной поддержки.

В 1920-е гг. на Северном Кавказе религиозные и частные школы были достаточно распространенным явлением. Они функционировали наряду со школами НКП и составляли, таким образом, альтернативу официальному образованию. Например, в Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и Дагестане в 1924–1926 гг. таких школ насчитывалось 2 295, в них обучалось 56 068 детей [Мамсиров 2006: 10]. В Чечне духовные школы не только сосуществовали со светскими, но и успешно конкурировали с ними. Но к концу 1920-х гг. они были закрыты. Основными причинами их уничтожения являлись официальная идеология воинствующего атеизма, сокращение финансирования и достаточно жесткий контроль со стороны административных структур. Таким образом, советское государство приступило к формированию собственной безальтернативной системы образования, особенностями которой были массовость и идеологическая направленность.

Несмотря на демографический спад прироста населения — в школе к этому времени учились дети, рожденные в годы гражданской войны и революции, — количество учащихся постоянно увеличивалось. Их общее число по Северному Кавказу к началу 1930-х гг. возросло более чем на 10 000 человек, и эти показатели превысили общее число обучавшихся в религиозных школах. В этот период в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Дагестане, Чечено-Ингушетии, Адыгее в государственных школах обучалось свыше 40 тысяч детей [Гобети 2006: 15].

Реализация постановления о всеобщем привела к значительной перестройке системы высшего образования. Уже в начале 1920-х гг. появились высшие учебные заведения, ориентированные на подготовку специалистов для южнороссийских автономий, началось формирование новой интеллигенции, что изменило социальную струк-

туру традиционных обществ. Руководство государства проводило целенаправленную политику по привлечению в число студентов представителей народов национальных районов Юга России. Это подразумевало их обучение не только в своем регионе, но и за его пределами. В 1920-х гг. им предоставлялись места в различных вузах страны, а к началу 1930-х гг. число вузов в самом Северо-Кавказском крае составило 13, в них обучалось свыше 4,5 тыс. студентов, работали 44 техникума с 10,5 тыс. учащихся и 14 рабфаков с количеством 3,6 тыс. человек [Боров 2007: 135; История Дона и Северного Кавказа 2004: 170]. В Калмыкии был открыт учительский, а затем педагогический институт.

Кроме того, было принято решение об открытии в южнороссийских национальных автономиях отделений Коммунистического университета трудящихся Востока (далее — КУТВ), реорганизованных затем в Высшие коммунистические сельскохозяйственные школы. Они открылись в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Адыгее, Карачаево-Черкесии, Чечено-Ингушетии, Дагестане и были призваны готовить руководителей колхозов, машинно-тракторных станций, совхозов и районов.

Несмотря на ряд объективных и субъективных трудностей в подготовке специалистов из числа представителей северокавказских народов, здесь удалось достичь заметных результатов. Например, в 1930-х гг. в школах национальных автономий работало более 6 тысяч учителей из числа коренных национальностей, что составило практически половину от их общего количества. Школы имели твердое расписание и единый режим работы, сокращалась нехватка учебников, был осуществлен начальный всеобщий и созданы предпосылки для перехода ко всеобщему семилетнему образованию.

Таким образом, к концу 1930 гг. удалось совершить качественные преобразования в просвещении народов национальных районов Юга страны, что являлось частью государственной программы их развития в масштабах всего государства. Развитие сферы образования в регионе прежде всего диктовалось необходимостью индустриализации страны, которая определяла характер реформирования сферы школьного образования. Государство было заинтересовано в

сильной экономике, основой которой была развитая система образования. Но мотивы, определяющие ее востребованность, были иными, чем прежде, и, как следствие этого, новыми стали пути и методы решения образовательных задач.

Советская власть стремилась обеспечить всеобщую грамотность, поскольку от образовательного уровня зависели экономический рост и политическая активность населения. Несмотря на своеобразие партийной политической программы, она заложила фундамент культурного возрождения народов страны. В вопросах просвещения народов южнороссийских национальных районов была поставлена задача осуществления принципов единой трудовой школы с преподаванием на родном языке, свободной от религиозного влияния. Советское государство стремилось вовлечь в решение основных проблем модернизации все общество. Помимо обязательных общесоюзных, были и «местные» кампании, направленные на борьбу со старыми традициями и обычаями. Развитие образования в национальных автономиях имело особое значение, так как в этой сфере проводимые мероприятия были направлены на адекватность восприятия местным населением советской власти.

Но и само население также начинало понимать необходимость получения современного на тот период образования. Оно, иногда и под давлением, приучалось к тому, что дети, в том числе и девочки, должны учиться, что можно считать проявлением просветительского прорыва. Естественно, различные формы агитации и пропаганды, применяемые местными руководителями, часто оставались безрезультатными, но сам подход все же предоставлял населению возможность получения образования. В независимости от того, какими методами и средствами осуществлялась образовательная модернизация, советское государство создавало необходимую основу построения нового общества. На протяжении рассматриваемого периода в южнороссийских национальных автономиях произошли коренные изменения в сфере образования, в результате которых местное население могло получить гарантированное начальное и возможность приобретения профессионального образования.

Литература

- Боров А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик: Эльбрус, 2007. 298 с.
- Бубнов А. С. О всеобщем обучении и политехнизации массовой школы [электронный ресурс] // URL: <http://oldgazette.ru/izvestie/06031931/text2.html>. (дата обращения 18.08.2011).
- Гобети З. Б. Становление и развитие народного образования на Северном Кавказе в 30-е годы XX в. // Вестник Владикавказского научного центра. 2006. № 4. С. 14–18.
- Гудиева Л. Х.-У. Начальный этап развития образовательного пространства Ингушетии. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. 159 с.
- История Дона и Северного Кавказа (1917–2000): учебное пособие для студентов вузов / авт. колл. В. И. Афанасенко, А. В. Венков, А. Г. Кажарова и др. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та; Нальчик: Изд.-полиграф. центр, 2004. 390 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М.: Политиздат, 1970. 543 с.
- Лиджеева К. Ф. Развитие системы образования в национальных районах Юга России в конце XIX в. – 1941 г.: историко-сравнительный анализ. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 206 с.
- Мамсиров Х. Б. Проблемы создания системы образования на Северном Кавказе в период советской модернизации 20-х – начало 30-х гг. XX в. (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии) // Вестник Кабардино-Балкар. гос. ун-та. Серия гуманитарные науки. 2006. С. 8–13.
- Панькин А. Б. Этнокультурный парадокс современного образования. Волгоград: Перемена, 2001. 446 с.
- Политехническое обучение в общеобразовательной школе / под ред. М. А. Мельникова и М. Н. Скаткина. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1953. 307 с.
- Сартикова Е. В. Развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 407 с.
- Юсупов П. И. Первые шаги культурного строительства в Чечено-Ингушетии (1920–1925 гг.) // Известия ЧИНИИ. Вып. 1. Т. VIII. История, 1969. С. 110–130.
- Borov A. Kh. [North Caucasus in the Russian Civilization Process]. Nalchik: Elbrus, 2007. 298 p. (In Russ.)
- Bubnov A. S. [On General Education and Polytechnization of Mass School]. An Internet resource: <http://oldgazette.ru/izvestie/06031931/text2.html>. (accessed: August 18, 2011). (In Russ.)
- [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee]. Vol. 2. Moscow: Politizdat, 1970. 543 p. (In Russ.)
- Gobeti Z. B. [Establishment and Development of Public Education in the North Caucasus in the 30s of the XX cent.]. *Bulletin of Vladikavkaz Scientific Center*. 2006. No. 4. Pp. 14–18. (In Russ.)
- Gudieva L. Kh.-U. [Initial Stage of Development of Educational Space in Ingushetia]. Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center of Higher Education Publ., 2005. 159 p. (In Russ.)
- [History of the Don and North Caucasus (1917–2000)]. Rostov-on-Don: Rostov University Publ.; Nalchik: Polygraph Centre, 2004. 390 p. (In Russ.)
- Lidzheeva K. F. [Development of the Education System in the National Regions of the South of Russia in late XIX century – 1941: Historical and Comparative Analysis]. Elista: Kalmyk State University Publ., 2012. 206 p. (In Russ.)
- Mamsirov Kh. B. [Problems of Creating an Education System in the North Caucasus during the Soviet Modernization of the 20s – early 30s of the XX century (on Materials of Adygea, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia)]. *Bulletin of Kabardino-Balkar State University*. Ser. Humanities. 2006. Pp. 8–13. (In Russ.)
- Pankin A. B. [Ethnocultural Paradox of Modern Education]. Volgograd: Peremena, 2001. 446 p. (In Russ.)
- [Polytechnic Training in Comprehensive School]. M. A. Melnikov, M. N. Skatkin (ed.). Moscow: Acad. of Pedagog. Sciences of the RSFSR, 1953. 307 p. (In Russ.)
- Sartikova E. V. [Development of School Education in Kalmykia in the 20th Century]. Elista: Dzhangar, 2008. 407 p. (In Russ.)
- Yusupov P. I. [First Steps of Cultural Construction in Chechnya-Ingushetia (1920–1925)]. *Bulletin of Chechen-Ingush Research Institute of History, Language and Literature*. 1969. Iss. 1. Vol. VIII. History. Pp. 110–130. (In Russ.)

References